

По улице разлома ещё сновали здравботы, когда Ума, решив заслуженно пообедать, зашёл в кафе «Звёздочка». Людей тут было не много, наверно, из-за дурацкого названия или дешёвизны антуража, что, в принципе, и к лучшему. Заказав салат просветительный, мясо по-кросски, и кокосовый сок, парень активировал браслет, чтобы проверить количество полученных очков.

«Тааак, в первом отборе вышло двести девяносто четыре участника, меньше половины. Плохо: пять очков сгорело безвозвратно. Дальше: Фин Лехц прошёл первый отбор — хорошо: плюс один балл. Последнее: Ума Алактум повергнет трёх участников турнира — плюс пятнадцать очков. Плюс очки, отобранные у вояк, плюс очки, которые те в свою очередь отобрали у голубков и наёмника. В сумме выходит шестьдесят семь. Неплохо, есть, на что делать новые ставки».

Но, прежде чем Ума начал обдумывать условия для следующих ставок, ему принесли заказ, что не могло не радовать. Правда, прежде чем он приступил к еде, к нему за стол сел ещё один участник турнира, что не могло не огорчить.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте. Прошу прощения, что нарушил Ваш покой, прошу прощения, что сел без разрешения, прошу прощения, что не отправил Вам запрос. — За стол садится, ложа руки ладонями вверх, молодой сеньор в дорогом киль-пиджаке, с запонками из ридия и шпагой, вероятно, из более дорогого сплава, прикреплённой сбоку. Но изучать внешность незнакомца особо нужды не было, подобной манерой приветствия при первом знакомстве пользовались только урийцы, уроженцы государственного Дома Сивилии. Правда, этот уриец был не из простых: аристократ чистой воды, даже кудри его парика отливали позолотой, такого хоть в дерьме купай — не испоганишь.

Монах и аристократ некоторое время смотрят друг на друга, и Ума нарушает неловкое молчание:

— Кажется, тут кто-то есть.

— Меня зовут Иола Лемис Григ, — вероятно, приняв слова Умы, за своеобразное приветствие, представляется незнакомец.

Ума пожимает плечами и начинает есть.

— Вам нет необходимости рассматривать меня как врага, я просто хочу поговорить, как участник с участником.

— Кто «вы»? Я здесь один...

Незнакомец, представившийся Иолой, вздыхая, откидывается на спинку стула:

— Нарочито грубое поведение, еле заметное напряжение в теле — явные признаки нежелания идти на контакт и отсутствия какого-либо доверия к людям, по крайней мере, незнакомым.

Ума, проглотив очередной кусок мяса, принимает правила игры:

— Нарочито вежливое поведение, располагающая к доверию поза, отсутствие каких-либо признаков вражды со стороны потенциального участника-конкурента. Назови хоть одну причину...

— Вне отбора причинять вред другим участникам запрещено.

— Успех битвы в большинстве зависит от действий предшествующей битве.

— Обещание именем моей семьи об отсутствии мотивов способных навредить собеседнику...

— Не уменьшат моего желания сломать лицемерного засранца вдоль и поперёк.

Минута молчания, длящаяся целую вечность, сопровождаемая нарочито неумелым чавканьем монаха и пристальным взглядом аристократа. В какой-то момент их взгляды встречаются, предзнаменовывая древнюю как мир игру в «гляделки». Выдержат ли они давление друг друга, или же кто-то даст слабину...

Монах улыбается, и минимальными усилиями пальцев бросает жирную косточку в урийца. «Снаряд» ударяет аристократа по лбу, и тот непроизвольно моргает. Ума смеётся, легко и беззлобно, возможно, поэтому Йоле Лемису Григ и удаётся сохранить спокойствие.

— Прости, — без тени сарказма выдавливая сквозь смех юноша, — я слишком стар для подобных игр. Пустая трата времени.

— Смеем допустить: я мог и ошибаться на Ваш счёт, — уриец не спеша утирает лоб салфеткой, — но я не жалею, что потратил на Вас время.

— Три фразы, один поступок, искусственно созданные противоречия модели поведения, и ты уже считаешь, что вправе делать выводы? Плюс возможный самообман по поводу того, что твоя жизнь — это не пустая трата времени.

— Ваши провокации по отношению к незнакомому человеку...

— Ты мне тут не Выкай!

— ...и несерьёзное отношение к происходящему однажды станут причиной Вашей гибели.

— У меня уже есть психотерапевт, так что давай выберем тему поинтересней. Почему ты посчитал, что тебе будет полезен разговор со мной?

— Полезен мне? Что Вы, в данный момент полезен этот разговор будет только Вам. Я же в свою очередь рассчитываю, что при нашей встрече на отборе Вы обойдёте меня стороной без излишней... конфронтации.

— Ты можешь быть настолько полезен?

— Колоссально. Для всех и каждого.

— Пропорционально...

— Степени угроза участника.

— И какова же моя степень?

— От длины Вашей косы.

— Ахах, — смеётся монах, — тогда ты должен знать, что и длина весьма относительна.

— Вы заплели свои волосы весьма символично. Так заплетают косы только приверженцы Дзен Ун — люди, посвятившие себя целиком и полностью боевым искусствам. Совершенствование

тела, духа, и разума, для упования битвой в полной мере. Для Вас лучше места, чем турнир, и не найти. Также мне известно, что при поражении или ощущении поражения последователи Дзен Ун укорачивают длину косы относительно ощущения своего проигрыша, а при победе над другим приверженцем этого пути, или кого-либо превосходящего по силам, вы наращиваете длину волос. Сопоставив Ваш возраст и длину, я пришёл к выводу, что Вы можете быть опасным противником. К тому же тот конфликт во время регистрации...

— Ой-ёй, прозвучало как комплимент, — Ума вытирает руки влажным полотенцем, и отбрасывает его в сторону, — ненавижу комплименты.

— И даже сейчас, — продолжает уриец, — Вы ни на секунду не позволяете себе расслабиться в присутствии потенциального противника. Сейчас нет повода для готовности. Не думаю, что следующий отбор начнётся раньше вечера. Но прежде чем я поделюсь с Вами информацией, мне бы хотелось получить от вас слово, что если мои данные покажутся полезными, Вы не станете пересекать мне дорогу во время отбора...

— Что ж... — начинает монах, но внезапно останавливается, — вашу мышь!

Трубный сигнал, призывающий воздать должное отбору турнира, пробирает до костей, на секунду заставляет забыть обо всём и парализует своей глубинной мощью.

Они вскочили одновременно. Иола мгновенно наносит удар шпагой: колющий удар после извлечения из ножен, приём известный как «ззирхат». Ума уклоняется, разворачивая туловище по оси позвоночника. Сивилиец, не растерявшись, бьёт противника по шее, но монах без труда перехватывает лезвие.

— «Не думаю, что следующий отбор начнётся раньше вечера», — передразнивает аристократа юноша.

— Право дело, мне самому неловко, я наследник рода Григ, и не предвидел такого поворота событий.

Наследник разрывает дистанцию, Ума со звоном ломает шпагу урийца (сплав, оказался-таки не очень дорогим) и прыгает на противника, Иола выбрасывает спрятанный в рукаве кинжал. Кинжал с чавкающим звуком, входит в глазницу цели. Обломок шпаги мягко проникает под рёбра...

Улица разлома, состоящая из тридцати уровней платформ, находящихся вдоль стен, и в каждом ряду насчитывающая около ста заведений, расположенных непосредственно на этих самых платформах, превратилась в поле боя. Каждое шестое заведение стало местом, где сила сталкивалась с силой, сила сталкивалась с ловкостью, с волей, с трусостью, сила сталкивалась с разумом. После первого хаотичного отбора, сейчас всё выглядело более организованно. Участники собирались в команды, до того как вступить в бой оценивали свои шансы и ситуацию, пытались договориться.

Проблема была в том, что никто не ожидал, что второй отбор начнётся так рано. Большинство участников отдыхали после первого, когда прозвучал сигнал, рушащий все планы на счастливое времяпровождение. И вот кто-то уже сражается в бассейне, прямо в воде, до безобразия замедляющей удары. Какой-то бар наполняется воплями и звоном, и из окна выпрыгивает раненый тихс, пережимая рассечённое плечо. Вот хантер-кросс разбегается и прыгает на расположенную ниже платформу, на лету выхватывая свои кривые мечи и

прибывая ими сразу двух сражавшихся к полу.

Комната наблюдения администрации турнира, усыпанная визионами и экранами, отлично транслировала всё происходящее. Помимо персонала из трёх информантов спец и ведущего организатора Блюса в комнате находились ещё две дюжины посетителей. Гости прохаживались по помещению, наблюдали за происходящим, шутили и делали ставки, неофициально, только между собой. Иногда Блюс поддерживал разговор и сам принимал участие в пари, заботливым хозяином порхая между гостями, отвечая на вопросы и выдавливая улыбку на каждую плоскую шутку. Тем не менее, подхалимства здесь не было: каждый знал, чувствовал, что Блюс равным плавает среди корпоративных гигантов и представителей преступных синдикатов, бизнес и только бизнес заставляли его улыбаться, ничего более. Иногда его острое лицо накрывала маска безразличия, или даже презрения, но этого никто не замечал, ведь высокий джентльмен в полосатом костюме и зачёсанными назад волосами то и дело перемещался между гостями, стараясь уделить внимание каждому.

— Вы только посмотрите: двое на одного, как не честно! Ставлю восемнадцать миллионов на одиночку.

— Двадцать на дуэт. Дорогой Блюс, какой коэффициент?

— Три к одному, уважаемые, но это всё мелочь, не стоит вам тратить своё внимание на такой мусор.

— О! вы только посмотрите! №119 только что раскидал засаду из пятерых незийцев!

— Что, кто? Кто у нас под этим номером? — скорее кудахтает, чем говорит один очень и очень упитанный господин. При этом дёргая за цепь-поводок приведённое с собой существо.

— А, так это Лехц, один из фаворитов турнира. Мутантик, что ни говори. Говорят, что перед турниром один из участников покалечил его брата, и теперь он носит каждый отбор в поисках праведной мести. Ах! Какой сюжетец!

— Восхитительно! А это кто такой?

— Да, да, весьма интересно, — всё так же пыхтит толстяк, семена вдоль экранов, и влача на цепи питомца.

— Отличный выбор, позвольте представить вам мастера фехтования: Исоятсу. Лезвие его клинка настолько тонкое, что по слухам...

— Что он делает? Берегись! — дамочка в фрустрированном платье из жидкого металла кричит на экран в попытке предупредить мечника.

— М-да, был мастер, и нет мастера. Атакой из-за угла, мышь его! — выражает общее настроение один из гостей, покрытый переливающимися в любое время суток татуировками. — Ладно, поставлю лучше на того, что в броне.

— Эй! А разве это честно?

— Ну, по правилам, это не запрещено: если одни имплантируют себе симбиотические мышцы, то почему другие не могут купить боевой костюм класса «смерч»? При том, что такие костюмы не всем по карману, ну вы понимаете.

На самом деле, почётные гости не понимали, и это было не важно, так как проекция показывала захватывающее зрелище, где участник под номером 362, в симбиотической броне класса «смерч», крушил группу из семи человек. Он не использовал оружия, ему это было ни к чему: обшивка увеличивала силу ударов в несколько раз, прибавляла скорости, защищала и предупреждала, не оставляя врагу и шанса на победу. Тем не менее, смертоносная защита встретила ожесточённое сопротивление — она принимала на себя удары ридийных лезвий, поглощала излучения волновых пушек, выдерживала напряжение от разрядников. Но участника №362 это даже не замедлило. Он продолжал атаковать, кружась между недругами, круша их защиту и игнорируя атаки, раскидывая и смеясь, заставляя кости врагов трещать и ломаться...

Группа продержалась полминуты против единственного противника, и в комнате администрации турнира, несколько наблюдателей зааплодировали открывшемуся им зрелищу.

— Но почему используют только эти костюмы? Почему всем не использовать стандартную броню подешевле? — выпячивает пухлые губки обладательница невероятного бюста.

Кто-то шепчется, Блюс в своей фальшивой манере искренне улыбается, а толстяк звенит цепью, скрывая свой смешок.

— Душечка, что за вопросы, ты нас позоришь! — одёргивает её шёпотом кавалер довольно преклонного возраста.

— Что Вы, что Вы, — успокаивает его ведущий, — интерес дамы нам всем понятен. Дело в том, душечка, что любую броню элементарно вывести из строя стандартным электромагнитным зарядом класса F, кроме, конечно же, военного костюма «смерч», разработанного на основе симбиотического сплава, или механического доспеха рыцарей Урии. Конечно, многие участники используют защитные пластины, но большинство достаточно уверены в себе, и даже выходят на бои с голыми руками.

— Всё, что вы говорите — прекрасно, — прерывает Блюса татуированный посетитель, — но кто поддержит мою ставку в пятнадцать миллионов на того здорового цикианца, скажем, пять к одному.

— Поддерживаю, — выдавливают из себя запыхавшийся от десятиминутной ходьбы гость внушительных габаритов, и, дёргая за цепь, семенит к одному из экранов.

Цепь натягивается, и существо послушно следует за хозяином. И никто не обращает внимания на скулящего, жалко ползающего на четвереньках за своим хозяином, двенадцатилетнего мальчишку.

В кафе «Звёздочка», расположенном на семнадцатом уровне улицы разлома, посетителей и так было не много, а после сигнала, прозвучавшего в самый разгар клиентуры, стало до безобразия ни одного. Правда, два трупа прибавилось, для антуража так сказать. Хотя и тут был подвох: труп был только один — второй ознаменовал себя живым, посредством тяжёлого болезненного стопа.

— Вы слишком милосердны, полагаю, — нарушает молчание Иола Лемис Григ, наследник аристократической ветки Григ, вытаскивая кинжал из глазницы незнакомого ему участника.

— Тогда я полагаю, что ты слишком кровожаден, — отвечает Ума, подкладывая под голову

второго, раненого в живот, подушку со стоявшего в углу дивана.

— Полагаю, продолжать бой друг с другом мы не станем.

— Да, тебе бы этого так хотелось, не правда ли? Что ты можешь мне противопоставить с обломком своей зубочистки?

— Даже если это так, чего я признать не могу, отчего же Вы не нападаете?

— Оттого, недорогой мой друг, что мне надо в туалет, и я, Ума Алактум, также известный как Жнец, выродок с планеты Парк, змей девяти искусств, собираюсь попросить ВАС, наследника какого-то там рода, обеспечить мне безопасное «справление» нужды. Мышь его, тьфу! — и юноша, не дожидаясь ответа, удаляется в уборную.

Минутой ранее, в комнате администрации, никто и не заметил, как на одном из визио-трансляторов отображались события, произошедшие в маленьком и невзрачном кафе. Вот семеро посетителей прерывают свою трапезу сразу, после сигнала. Двое вскакивают из-за стола, один бьёт тонким мечом парня с длинной косой, но последний уклоняется, перехватывает лезвие клинка. Они стоят так несколько секунд. И оба не замечают, как на них из слепой зоны нападают двое посетителей. Посетителей, оказавшихся участниками «Ню Нова», специализирующихся на бесшумных убийствах и пытках.

Фехтовальщик разрывает дистанцию. Юноша ломает лезвие рапиры, делая её непригодной для боя. Они снова атакуют друг друга, и каждый замечает за спиной оппонента тень, изогнувшуюся в смертельном броске. Иола невероятным усилием меняет направление броска, посылая кинжал в голову убийце. Ума в прыжке отталкивает урийца и, навалившись на подкравшегося ассасина, выкручивает его запястье, вгоняя в живот обломок клинка.

Слегка отдышавшись, оставшиеся бойцы встают на ноги, молчат, не зная что говорить и пытаясь выглядеть естественно. После непредвиденного спасения недавнего противника продолжать схватку казалось глупо, посему юноша решил оказать первую помощь ещё живому убийце, попутно лишая его браслета. Но за этими событиями никто не наблюдал, ввиду более интересных боёв на станции, и посему никто не видел, как монах заперся в уборной, а аристократ чистил свой и без того уже чистый кинжал, не зная: какие эмоции испытывать. И, конечно же, никто не видел, как они вдвоём покинули кафе.

— А я тебе говорю, что ставка на бой с фаворитом пронесёт гораздо больше очков...

— Не обязательно, Вы забываете, что не все участники поддерживают ставки друг друга, многие принимают администраторы и сами определяют коэффициенты. Хотя то, что в этом отборе фавориты предпочтут не сталкиваться друг с другом — очевидно.

— Постой, — Ума активизирует радар, — кто-то приближается, в одиночку, значит: не из слабаков. Судя по скорости — едет на ульм-лифте. Пешочком уже не пройдёт, вот сноб.

— Что предлагаете? — наследник Григ поправляет воротник, своего иссини чёрного костюма.

— Тебе я предлагаю уходить: без боевой сабли от тебя проку мало будет, а я возьму всё веселье на себя и обдумаю твоё предложение.

— Немного тактичности никому не повредит, особенно в подобной ситуации.

— В подобной ситуации, — взгляд у монаха не секунду гаснет, — не повредит посмотреть правде в глаза и осознать, что в местах, где говорят на языке силы нет месту вычурности и лицемерным изысканиям, здесь есть только горькая истина, что горче запаха наших внутренностей и которая не объясняет нам ничего априори.

Ума внезапно смеётся, тем самым уничтожая всю серьёзность момента. Иола хочет что-то ответить, но не делает этого, а только вздыхает. И в этот самый момент из кабины ульм-лифта выходит опасность. Опасность в боевом костюме класса «смерч». На турнире только очень богатые люди или агенты сторонних организаций могли позволить себе такое. Ума искренне надеялся, что это очередной богач, возжелавший приключений и уверенный в превосходстве своего обмундирования.

— Нужно прыгать, — бросает товарищу Ума.

— Я не уверен, что...

— Сейчас!

Недавние враги, а ныне союзники, разбегаются и прыгают на нижний уровень, минуя перила, пролетают метров семь и чувствуют, как сотрясается мир даже при приземлении с перекатом. Зная, что при падении они бы попали в почти незаметную защитную сетку, расположенную вокруг платформ во избежание несчастных случаев, они прыгали с достаточной силой, чтобы долететь до расположенного ниже флета. Этот подий держал на себе массажный салон, дразня вывеской уставших участников, и нет-нет да намекая на то, что «не одним массажем мы горазды». Тем временем участник в броне подходит к краю платформы «звёздочки» и снимает шлем:

— Вы только ...ите! Насле... поч... ого рода ...ит поджав ...ост, — доносится до беглецов обрывочная речь, которую, к слову, новоявленный оратор не имел намерений прекращать.

Ума и Иола переглядываются, и пожимают плечами:

— Может сказать ему, что его отсюда не слышно? — предлагает первый.

— Боюсь, тогда мы поставим себя в столь же неудобное положение, что и он, — разумно предполагает второй.

— Повезло же нам на него нарваться, — о чём-то думая, бубнит Ума.

— Полагаю, что он пришёл за моей персоной. Ранее я пытался договориться с его командой, но боюсь, только сделал себя его целью.

— Ты просто победитель по жизни.

— Ваш сарказм тут неуместен, мы в одинаковом положении. Мы оба знаем, что бегство — Ваш единственный вариант...

— Ну, всё, он одевает шлем — ща прыгать будет, — ковыряясь в зубах, юноша перебивает урийца, — когда он коснётся этой платформы — я им займусь, а ты уходи. Нечего тебе путаться под ногами.

— Открой свои глаза, — гнев от унижения на секунду заставляют аристократа забыть о приличиях, — на нём костюм стоимостью в целое состояние! Боевой потенциал сотни человек!

— О, — улыбается монах, — ты, наконец, говоришь со мной на равных. Не думал, что так быстро опустишься до моего уровня.

— Без оружия ты... Вы ему ничего не сможете противопоставить.

— Оружие — это не вещь в твоей руке, это часть тебя, а ты есть не что иное, как часть мира. Всё вокруг это мир, и любая его часть — это оружие. — Пародируя старческий голос, отвечает Ума.

— Всё, — вздыхает Иола Лемис Григ, — мне уже всё равно, делайте что хотите, я пошёл.

— Эй-эй, ты портишь момент, ты должен был спросить какую часть мира я собираюсь использовать как оружие!

— И какое оружие Вы собираетесь использовать? — с явным отсутствием инициативы спрашивает уриец.

— Гравитацию, — кровожадно улыбается юноша.

Уроженец сивилии ещё собирался что-то сказать, но враг прыгнул. Не человек, сама чёрная броня летит в пространстве, сокращая дистанцию чудовищно красивым прыжком.

Выходец из осколков Лиан-Чжунь ждал этого момента — как только «смерч» коснулся платформы, монах тысячекратно отточенным движением ринулся к нему. Костюм был способен на многое, но даже с ним носителю потребовалось две секунды, чтобы восстановить равновесие, и Ума не преминул этим воспользоваться. Две секунды чтобы приблизиться, схватить стальной хваткой и прыгнуть с врагом вниз.

Мимолётный полёт длиной в бесконечность — радость, переходящая в страх. Конечно, можно было просто столкнуть угрозу, но тогда оставался риск, что враг их нагонит (в таком-то оружии), так что юноша решил рискнуть наверняка.

Они падали, а значит: летели, и владелец костюма не успевал осознать, что привыкший побеждать на земле — он проигрывает в воздухе. Несколько секунд кружения, но Ума успевает обхватить жертву подобно змее, сдавливая стальными кольцами, и подчиняя себе.

Приземлились они громко, прямо на голову «броненосца», юноше даже стало жалко своего противника: до того сильна была отдача, бессердечное порождение гравитации. Но там, где у любого другого сломалась бы шея, здесь и сейчас всё было по-другому: костюм амортизировал удар насколько мог, тем самым спасая хозяина от смерти. Но прошедшей сквозь броню нагрузки было достаточно, чтобы обеспечить сотрясение, перегруз позвоночника и временную потерю сознания.

Ума уже было потянулся к браслету поверх костюма, как эта самая рука взметнулась, хватая горло победителя и доказывая, что он таковым не является. Хватка была чудовищной, но монах сумел повернуть голову, выворачиваясь и выскальзывая из захвата раньше, чем его шея окажется сломанной. «Смерч» не желал сдаваться, вводя в тело носителя инъекции, посылая импульсные разряды и калибровки, он стимулировал хозяина продолжить бой.

Не особо осознавая, что происходит, бронник кинулся на длинноволосого парня, не подозревая, что повреждения достаточно его замедлили, чтобы монах, используя искусство бросков чжу-ань, перекинул атакующего через себя, отправляя его за пределы подиума.

Опять полёт и чудовищный, выбивающий дух удар спиной об очередную платформу. Костюм тут же заставляет хозяина вскочить, но Ума, прыгнувший следом, ударом кулака впечатывает поднявшегося в пол. Снова хватает и снова бросает за пределы уровня, чтобы тут же прыгнуть следом. На этот раз бронник падает на живот и, после беспощадной встречи с металлопластиком, пытается откатиться. Не успевает: монах приземляется на спину врага, обрушивая на него совокупный удар обеих ног. Человек под боевой обшивкой не сразу понимает, что опять летит, а значит падает. И падает спиной на прозрачные перила — столкновение выгибает его «мостиком», и, не смотря на защиту, в спине что-то хрустит. За секунду до того как потерять сознание, обладатель костюма «смерч» успевает увидеть приближающегося в полёте демона: молодого, смеющегося, в чёрном одеянии и с извивающейся чёрной косой за спиной...

В комнате наблюдения наступила тишина. Потому что Ван Сизель, владелец 20% акций компании «Ресурс», заполонившей звёздную систему Илигла только что выиграл шестьсот миллионов юнкоинтов.

Рискуя всего сотней, он выиграл в шесть раз больше, в то время, как Шин Де Росс, и Табулан Сэка — лица, известные в преступном мире, проиграли по триста миллионов юнков, даже не успев этого осознать.

Ведущий организатор начинает смеяться, по-настоящему, без фальши, и персонал, следуя его жесту, обрабатывает список, ставя Уму Алактума в десятку сильнейших бойцов турнира...

Ума старался оставаться в движении: до конца отбора ещё было время, а вступать в новую схватку, когда он не сделал ни одной ставки, желания не было. Юноша семенил вдоль улицы разлома, то и дело, поглядывая на радар браслета. Не хотелось признавать, но путешествие по прозрачной тропинке станции, когда под тобой открывается зрелище бездонного космоса, действительно доставляло удовольствие.

Также поражали разнообразием предлагаемого ассортимента десятки выступающих из стен платформ. Тут были и магазины одежды, все виды закусочных и баров, пару дорогостоящих ресторанов, кинотрансляционные комнаты, салоны красоты и здоровья. И по ту сторону витрины на участника смотрели туристы, предпочитающие переждать отбор внутри. И смешно, и грустно.

Названия магазинов и салонов также доставляли. Просто доставляли, а какую именно эмоцию, и не разобрать. Сауна «Очешуеньчик», ресторан «Ресторантоз», закусочная «КульвиРасо», непонятно что продающий магазин «Цын-цын-цуй», новое шоу «Три Барона»...

Ума запнулся, сам не понимая, что произошло. Его зацепила вывеска «Три Барона». Барон Радость, барон Аттракцион, барон Бродвей. Казалось бы, здесь нечему удивляться, стандартное сочетание различных культурных развлечений. Но голова неуклонно начинала болеть.

«Что это? Неужели реклама? Пси-воздействие. Обычные люди и не заметят. Это вообще законно? Загонять людей на шоу посредством пси-внушения... Хотя откуда мне знать какие тут правила, они же не внушают убивать своих детей, это почти не отличается от обычных рекламных компаний».

Оставалось только пожать плечами и двигаться дальше. Ума и так слишком задержался на

улице разлома, поэтому он поспешил покинуть этот блок, направившись в ближайший переход. Главное — не попасть в заварушку. Но, по-видимому, его желания никто не учитывал, так как согласно радару, к нему приближались участники. Трое? четверо? — не разобрать. Быстрее! Проклятье! Впереди кто-то есть — свернуть направо, и пробежаться до перехода. К сожалению то, что это ловушка, он понял слишком поздно.

Они загнали его как крысу, и это злило, злило настолько, что начинало радовать. Монах стоял в окружении трёх людей, вероятно, не обделённых опытом. Может пираты, а может охотники за головами: кто знает. Оружие своё они показывать не спешили — умницы, но и Ума не спешил атаковать, осознавая всю степень риска. И хотя он не смел сомневаться в своей победе, но несказанно обрадовался вмешательству третьей силы. А третья сила вмешалась довольно-таки беспардонно: что-то трижды просвистело в воздухе, и воткнулось в пол перед каждым из троицы. Крупнокалиберные иглы класса «шмель», используемые для выведения из строя боевых машин и военной механики, правда, эти иглы были без зарядов, но всё же в три локтя длиной они могли пробить за раз несколько человек.

— Мать его так-то, я же предупреждал: этот парень мой! — кричит стрелок откуда-то сверху, — мышины дети! Убирайтесь, пока я вашим мамам не позвонил, и не рассказал, как мало очков вы набрали в предыдущем отборе!

Самый высокий из троицы сплёвывает, и они осторожно уходят, то и дело, прислушиваясь, не летит ли им в спину снаряд. Неведомый спаситель ещё некоторое время ждёт, прежде чем явить свою скромную персону взору. Ума, успевший за это время поковыряться в носу удивлённо ведёт бровью, когда стрелок отключает маскировочный нано зонт. «Третья сила» всё это время парила в пяти метрах над полом, сидя на паж-дроне и держа в руках огромную пушку, вероятно, самодельного изготовления. Дрон осторожно опускается к полу, чтобы его «ездок» смог неуклюже слезть и стать во весь свой невеликий рост.

— Разрешите представиться: Дурий Морж, для друзей, просто Дур, эт самое, падлий потрох и негодай, к Вашим услугам, — представляется бородатый мужик с красноватым оттенком кожи, на голову ниже Умы, но вдвое шире того в плечах.

— Я не знал, что так можно. — Ума кивает на парящего рядом дрона, стараясь не смотреть на собеседника сверху вниз.

— Ну, в принципе, моей персоне лично взламывать дроны никто не запрещал, так-то я поковырялся в настройках, не титьку конечно мять, но делов не много. Видал мою маскировку? Дорогушая зараза! Если б не мой знакомый на квази-рынке...

— А пушку сам делал? — не зная зачем, спрашивает юноша.

— А то, сказали же, не выше D ранка, оружие то, а у меня такого и не было, детские игрушки! Тьфу! Пришлось самому смастерить, руки, поди, не из жопы растут!

— Ясно дело... Ты чего этих троих отпустил то?

— От, молодёжь! Сразу на людей кидается! Да ежели их тут положить, кого мы завтра ложить будем? А? Я тебя спрашиваю!

— Не-не-не, старикан, что значит МЫ? Я сам по себе! Ты сам...

— Какой я тебе, в жопу, старикан? — невероятным образом засмутился рахдиец, — мне сорок годков только стукнуло, и борода то толком не отросла.

— Не, не, поверь, твоя борода — рай для власоедов.

— Чего уж там, — отмахивается Дур, — а чегось мы стоим? Пойдём, присядем где, навернём.

— Не хочу ломать кайф, но отбор как бэ ещё идёт, — Ума теребит кончик своей косы, не зная, как относиться к собеседнику.

— Отбор, ха! Сколько его осталось? Не ссы, салага, со мной — не пропадёшь! И не надо мне втирать про то, шо ты одиночка, видал я, как ты давеча с тем урийцем языком чесал. Уж он то — цаца, словца крепкого при нём сказать не успеешь, ужо рдеет аки моя задница.

Юноша пожимает плечами, и направляется за спасителем.

— Я тебе вот шо скажу, — продолжает Морж, отпивая на ходу из неоткуда взявшейся фляги, — ты, когда того длиннорукого на регистрации поломал, сразу мне приглянулся. Хотя всякая шваль и собралась тебя кокнуть на турнире, чтоб Фину угодить, пстись, фаворит мне тоже, я сразу говорю: мол, ребята, этот парень, с нашей породы, кто его тронет — будет иметь дело со мной.

— А что с Фином? — кажется, монах не слушает собеседника, думая о своём.

— Что-что, говорят, ищет тебя, каждый отбор носится. Но между вами я становиться не стану, сам понимаешь: тут месть за брата, всяко-так, конечно, я бы и сам его братца измуфтил бы прилюдно, если бы был идиотом.

Некоторое время они идут молча по проходам станции, затем садятся на термо-лавку, Дур отпивает из своей фляги и предлагает Уме:

— Ты шо, выпьешь, али у тебя яйца не заросли ещё?

Ума отпивает из фляги, кривится, и возвращает её обратно. Молчат. Каждый думает о своём. И алкоголь начинает действовать: комната плывёт, мысли путаются, тело становится вялым и непослушным. Юноша пытается встать с лавки, но ноги подкашиваются, и он падает на колени. Откуда-то сверху доносится хриплый голос:

— Хо-хо, ну ты и дурак: пить на турнире из вражеской фляги, это ж каким идиотом надо быть. Траванул я тебя аки меня моя первая жена, — Дурий встаёт, почёсывая пузо, — ну и что ты будешь делать в такой ситуации, ты ведь даже и пошевелиться не можешь.

— Не бойсь, — выдавливая из себя монах, — тебя кокнуть сил хватит.

— Эт каким же образом? Мышь его так-то!

— А вот таким! — И Ума резко надавливает себе на живот, засовывая пальцы под рёбра, чтобы из нутра вырвался дорогой завтрак. Рвота струёй ударяет под ноги бородачу, заставляя того отпрянуть. Юноша, пользуясь вражеской заминкой, прыгает на отравителя, но на полноценный прыжок сил не хватает, и они оба падают в дурно пахнущую лужу, звуки возни разлетаются по коридору, и Ума, наконец-таки берёт крепкую шею в захват. Оппоненты, уставшие и измазанные, тяжело дышат.

— Ну и что я теперь, по-твоему, сделаю? — монах сильнее сдавливает шею.

— Отпустишь, падла! — с трудом крикает рахдиец.

— И почему я не сломаю тебе шею?

— Сам знаешь!

Руки тянут голову, что-то хрустит, и юноша скидывает с себя тяжёлое тело. Отползает, падает на спину, и начинает смеяться.

— Фууух! Я уж думал: кранты мне! — массируя шею, садится Дурий, — думал: взаправду мне шею крякнул.

— Ахаха! Не бойсь, просто позвонки тебе прохрустел. По сути, сделал то же, что и ты со мной.

— С чего эт ты взял?

— Всё просто: если б хотел, атаковал бы меня во время битвы, а не предотвращал её, ты не излучал страха или агрессии и, к тому же, когда отравил, не взялся за оружие, значит, и не думал добивать.

— И верно, нужно было хоть виду дать, что кокнуть собираюсь.

— К чему был этот урок опыта, старикан? Думаешь, я и вправду дал бы себя отравить возможной вражине, не будь я уверен, что мне ничего не грозит?

— Кто знает, на вид ты идиот-идиотом, но это был не урок, мышь его, так-то, я бы дал тебе антидот, согласишься ты мне помочь в отборе грёбанном. А если бы не согласился..., то наверно всё равно бы дал антидот. Добрый я, паскуда...

Участники лежат на холодном полу, смеясь над собой, потом просто лежат, думая каждый о своём. Где-то в коридорах бродят особо бесстрашные туристы, откуда-то доносятся звуки боёв, но лежащим везёт, и их никто не беспокоит.

Возвышенный сигнал оповещает о конце второго отбора. Звук заглушает все мысли, заставляя скривиться от неожиданного шума. Морж крякнул, поднимаясь с пола:

— Ну, всё, теперь и поспать спокойно можно, думаю сегодня отбора больше не...

— НЕТ!!! — Ума вскакивает, нажимая что-то на своём турнирном браслете, — не заканчивай предложение! По крайней мере, пока я не сделаю новые ставки... мало ли...

003

«Знаешь, всё было не так уж и плохо. Сейчас то я это способен понять. То, что в детстве я воспринимал как мучительную прихоть жизни, с привкусом садизма и несправедливости, сейчас я вижу, как если не лучшее, то, по крайней мере, самое необходимое, что со мной могло произойти. Эх, если бы я понял это тогда, то все мои беспочвенные детские страдания могли стать фундаментом более сильного меня. Казалось бы: спешить некуда, тем не менее, я мог гораздо раньше стать тем человеком, каким всегда хотел. Жаль, что многие не способны этого понять даже по прошествии лет, воспринимая избавляющий нас от скуки и делающий сильнее жизненный дар испытания как возможность потакания своей никчёмной слабости. Ну да ладно, давай вернёмся к истории одного паренька с планеты Парк. Мне порой кажется, что большинство жизненных наставников слишком эгоистично подходят к своему ремеслу, используя учеников как черновой или чистовой вариант жизненного сценария и зная наперёд каждый путь. М-да, и чем младше ученик, тем сложнее ему увидеть в учителе человека.

Обычного, слабого человека».

Мальчишка уже как час лупит стальной манекен. Двадцать раз кулаками, по пять ударов каждой ногой, двадцать раз ладонями, десять ударов локтями и стопами. И по новой: двадцать раз кулаками, пять ударов каждой ногой, двадцать...

— Довольно, — пересиливая гул ударов, прекращает тренировку голос наставника, — теперь намажь тело бальзамом.

— Вэээ! Ненавиюуу, он воняет, — ноет уставший ученик.

— Мажься молча, пока кости не отслоились. Долбанная плакса, за что это мне?

Ученику ничего не остаётся, кроме как смириться с запахом и начать обмакивать руки в бальзаме. Сам процесс втирания занял не так много времени, поэтому уже через полчаса, он сидел в положении «водная гладь», а ещё через час начал массаж биологически активных точек тела, попутно выслушивая наставления гуру.

— ... вот так новый режим пришёл к власти. А теперь расскажи мне про Синтраж.

— Хе! Ну, это-то я знаю, — мальчик облегчённо вздыхает, при этом бросая взгляд на угол, где он спрятал сломанный тренажёр в куче инвентаря, — Синтраж, Синтраж, как бы получше начать...

— Начинай, как хочешь, всё равно хуже обычного не начнёшь.

— Ну, после Всеобщего Объединения была ознаменована новая эпоха, все силы были направлены на достижение довоенного уровня, в агро-промышленность усиленно вводились нововведения, в общем, всё налаживалось. Совет Веста продолжил курс развития человека как биологического вида и изучения причин, повлиявших на различие наших рас после Первого Исхода. Проблемы начались, когда подтвердилась теория... теория Френсиса Мэйна. В городах, где в экспериментальном порядке были созданы совершенные условия жизни, которые должны были установиться на территории всей планеты, не оправдали себя. По завершению проекта всё рухнуло. Человек в идеальной обстановке, как и любое другое животное, перестаёт развиваться. Апатия, отупение, потеря чувства меры. Без борьбы терялись все наилучшие качества человечества, прям как в философии вселенского равновесия. Сам проект был замедлен во избежание кризиса, и больше ресурсов направили на укрепление производственных и рыночных фундаментов. Экгхеее... горло пересохло.

— Возьми попей, только не спеши, а то подавишься. Ну, вот, я же предупреждал, гений ты наш, ты же не думал, что я предложу тебе воды? Я бы постучал тебя по спине, если бы мог, хотя нет, не постучал бы. Давай, давай, всё хорошо, продолжай.

— Короче, последователи Изгоя создали систему, благодаря которой человек мог воплотить свою мечту, какой бы она дурацкой не была. Но чем больше хочет человек, тем больше испытаний ему придётся пройти для достижения своей цели. Звучало бы глупо, если бы группировка, создавшая синтраж, не была способна уничтожить планету. Сначала были открыты точки доступа только на Тетра-Виа, где желающие принять участие могли пройти отбор. Первый уровень синтраж был не очень сложным, но обычному человеку требовалось постараться, чтобы его пройти. Смекалка, сила, знание — тебе требовалось развивать всё, что могло принести победу в испытаниях. Изначально судьями являлись сами последователи

Изгоя, назначавшие испытания в зависимости от величины уровня. Позже роль судей приходилось выполнять участникам, достигших пятидесятих уровней синтраж, как необходимое условие перехода к следующему испытанию. Человек, прошедший первый уровень, мог официально называться «идушим» и ему разрешался переход на второй уровень. Каждый уровень должен быть не проще предыдущего, а при прохождении каждого десяти испытания становятся на порядок сложнее и опаснее. При прохождении уровня выдавался пропуск, позволяющий принять участие в следующем испытании, и оставалось только раздобыть информацию о месте проведения нужного уровня, либо по прохождению идущий получал информацию о месте проведения, а необходимость в пропуске зависела от судьи, проводящего следующее испытание... Дальше, что-то про результативность...

— Как ни странно, синтраж принёс свои плоды в положительном формате. — Подхватывает наставник. — Не смотря на опасность прохождения, люди были готовы рискнуть своими жизнями ради мечты. Для ветеранов и людей с неординарными навыками синтраж стал спасением, а его покорение — целью в жизни многих авантюристов. Из-за наплыва людей стали организовываться массовые испытания соревновательного характера, многие из которых проводились в командной форме. Работая в команде, обычные люди получили шанс на достижение более высоких уровней синтраж с меньшим риском для жизни. Благодаря чему система доказала всем, что она работает. Тратя годы на прохождение, большинство людей останавливались по достижению определённого уровня...

— Знаю, знаю, стойте, учитель! Кто-то удовлетворялся... ся деньгами, кому-то было достаточно власти, кто-то обретал друзей и поддержку, а кто-то получал силу за пределами человеческого представления. Лучшие же продолжал проходить синтраж, желая достигнуть самого высшего уровня, по слухам дарующего чуть и не власть над всем миром и всякое такое... ну вроде всё.

— Не всё, а выход синтраж за пределы планеты? Плохо, плохо, ты же помнишь, что предел заселения каждой колониальной планеты не развивал в должной степени космоперевозки. А терраформирование не могло себя окупить. Поэтому помимо ресурсной базы за пределами планеты были созданы лучшие курорты и места отдыха, что поставило производство кораблей на новый уровень. В то же время точки прохождения уровней синтраж распространились по всей Бездне: какие-то расположились на одном месте, а какие-то находятся в постоянном движении.

— Ещё, вспомнил, вспомнил ещё! Это... со временем появились экспресс уровни, позволяющие проходить несколько точек синтраж за раз, перескакивая сразу через пять, а то и более уровней. Примером может стать турнир для начинающих идущих: «Ню Нова», проводящийся раз в три года и позволяющий новичкам зарекомендовать себя, и получить дополнительные привилегии. Подобные мероприятия транслируют по всей Бездне как самые ожидаемые зрелища, приравнивая синтраж к спортивным соревнованиям или типа того. Многие люди следят за прохождением идущих и делают ставки на победы и поражения в испытаниях. Каждый знает, что чем выше пройденный уровень участника, тем больше привилегий и большее влияние он имеет на Бездну. Правда что происходит за пределами восьмидесятих уровней, знают только участники и об этом не говорят. Благо, хоть, что смертность в синтраж снизилась вдвое по сравнению к начальным показателям.

— ...а его существование удерживает человечество от желания деградировать...

— Учитель?

— Чего?

— А там вправду, можно получить что угодно?

— Не знаю, но стремясь к вершине, многие достигают желаемого своими силами, и синтраж не в силах дать им что-то ещё. А некоторые слишком сильно стремятся к желаемому и погибают.

— А если кто-нибудь, скажем, чисто теоретически, если кто-нибудь пожелает не какать?

— ... -_- ...Лучше пожелай себе побольше мозгов. А теперь иди, искупайся.

— Это, учитель, расскажите мне легенды про «идуших».

— Опять?

— Ну, пожалуйста! Как про безного мастера ре тык вон то, или истребителя Зузо, победившего пятьдесят участников, или Благородного Цина, вызвавшего короля пиратов на поединок!

— Это всё легенды, мальчик: безногий мастер прикреплял к ногам лучевики запрещённого производства, истребитель Зузо за день до поединков отравил остальных участников, а Благородный Цин был бесчестно расстрелян целой командой короля пиратов на столь прославленной дуэли, и пират не проникся уважением к противнику и не отпустил рабов, как поётся в песнях. Я могу рассказать про настоящих героев синтраж, но они покажутся тебе злодеями. Ты ещё не готов. Иди, искупайся.

Паренёк приуныл, и молча побрёл в купальню. А ведь запах останется, иди потом, доказывай родителям, что не баловался веществами. «Эх, вот бы сразиться с какими-нибудь пиратами!» — думал мальчишка, даже не представляя, каким проклятием может оказаться его желание...